

А.И. Попов

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ЮЖНОМ ТЕАТРЕ ВОЙНЫ 1812 ГОДА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Во всех сочинениях о русской кампании Наполеона 1812 г., будь то отечественные или иностранные, действиям на северном и южном флангах всегда уделялось несоизмеримо меньшее внимание, чем противоборству на главном театре военных действий (ТВД). В какой-то мере это оправданно и справедливо, поскольку судьба войны на первом её этапе решалась именно на московском направлении, где были задействованы основные силы двух армий.

Но с точки зрения исторической справедливости боевые столкновения на обоих флангах, особенно на южном, оказались слишком уж обойдены вниманием историков, хотя источниковая база позволяет описать их с очень большой детализацией, поскольку там с неприятельской стороны действовали войска Австрийской империи, королевств Пруссии и Саксонии, а германские источники, как известно, отличаются от всех прочих невиданной, поистине немецкой педантичностью и детализацией. Так что историку просто грех не воспользоваться этой прекрасной возможностью.

Источники. Из всего объёма источников о боевых действиях на южном фланге на первом этапе войны российский читатель знает разве что *мемуары* русских участников войны: генералов В.В. Вяземского, А.Г. Щербатова 1-го, Е.И. Чаплица и майора Я.О. Отрощенко¹. Воспоминания Щербатова со значительными сокращениями были опубликованы ещё В. Харкевичем. Но недавно в одном из архивов был найден и опубликован полный текст этих мемуаров². Более продвинутые читатели знакомы также со *сборниками документов*,

опубликованными сто лет назад Д.П. Ахлестышевым и Н.П. Поликарповым³, а также в издании Военно-учёного архива⁴.

Следуя не всегда оправданной традиции переиздавать старые монографии, некий книгопродавец недавно напечатал сочинение Поликарпова. Споры нет, в своё время эта работа стала очень важным явлением в отечественной историографии, поскольку её автор осветил множество средних и мелких боевых столкновений, не упомянутых даже в самом солидном исследовании генерала М.И. Богдановича. Именно в этом и состояла его безусловная заслуга. Но с тех пор прошло целое столетие! Наука продвинулась далеко вперёд, и стали видны очевидные огрехи в издании Поликарпова. Он не разумел иностранных языков и потому – зарубежных источников и исследований, так что все его познания ограничивались трудами российских официальных историков. Не обнаружив в архивах сведений о многих мелких боевых столкновениях, он компенсировал своё неведение неоправданными фантазиями. И вот теперь книга с такими изъянами переиздана так, что обычный читатель, не разумеющий правил научного подхода, будет наивно доверять Поликарпову и ретранслировать его не всегда правильные построения.

Что же касается *источников иностранных*, то не только рядовому российскому читателю, но и большинству историков они попросту неизвестны. Самое большое собрание *документальных источников*, повествующих о боевых действиях на Южном театре войны, было издано сто лет назад Ж. Фабри, причём, в отличие от материалов, посвящённых центральной группировке Великой армии, документы о действиях австрийского и саксонского корпусов сохранились за весь период войны⁵. Правда, следует заметить, что при переводе немецких текстов Фабри позволял себе сокращать их, не деля при этом никаких оговорок. Особенно много документов с данного театра войны опубликовано в дополнительном пятом томе, но именно там немало ошибок в хронологии, неверно указанных авторов и их адресатов, а также огрехов в датировке документов. Исправить эти ошибки и опечатки нам помогло знакомство с немецкими изданиями.

Поначалу поражает то обстоятельство, что всё это богатство документов опубликовано вовсе не в Германии, хотя оба действовавших здесь корпуса немецкие. Но по зрелом размышлении нетрудно понять, что война против России была не нужна ни королевству Саксония, ни тем более империи Габсбургов, так что даже к 100-летне-

му юбилею оба государства старались её особо не актуализировать, ограничившись публикацией нескольких мемуаров. Справедливости ради заметим, что в статье майора Винера были использованы рапорты многих австрийских генералов и офицеров, но весьма лапидарно и безо всякого цитирования.

Гораздо меньшим по объёму оказался другой вид источников – *дневники и воспоминания*, к тому же многие из них не опубликованы до сих пор. Среди мемуаристов преобладают саксонцы: генералы Ф. Функ и Х.А. Габленц, подполковник Й.А. Цецшвиц, майоры А.В. Штюнцнер и Ф.А. Бевилакка, капитаны А. Герсдорф и Ф.Л. Линдеман, лейтенанты А.Ф. Блассман, Л.Ф. Бухер, Лариш, Вольферсдорф и аноним из пехотного полка Короля, фельдфебель Й.Ф. Фольборн, фурьер Т.Д. Гёте и барабанщик Й.Г. Якоб⁶.

Австрийских мемуаристов гораздо меньше: подполковник Л. Вельден, майор Й. Делорт (де л'Орт), ротмистры Й. Бём и М. Паулини фон Ковельсдам, лейтенант Ф. Эниден, анонимный офицер из дивизии генерала Л. Траутенберга и венгерский гусар И. Шухаи. Причём только двое из них опубликованы отдельно, а остальные – лишь отрывочно в сборнике Ж. Фабри⁷.

В отношении мемуаристики подтвердилась старая, хорошо известная истина: чем более высокую ступень в военной иерархии занимал человек, тем более информативными и достоверными являются его воспоминания. И наоборот, в воспоминаниях нижних чинов преобладают очень краткие, так сказать, «приземлённые» сведения о повседневных личных страданиях с минимумом информации. Правда, среди этой категории есть исключение – воспоминания гусара Гёте. Они необычайно велики по объёму и «словесному наполнению», но сущность осталась прежней – недостаточная информативность для историка.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в целом по объёму источников немецкие превосходят российские как минимум в два раза – прямое следствие различия менталитетов двух названных народов. Кроме того, именно правофланговая группировка Великой армии наименее пострадала от ударов российских войск, а потому почти вся её документация вплоть до завершения кампании сохранилась в архивах.

Историография. В 2007 г. украинский исследователь В.В. Ададу-ров заявил, что «война 1812 года лишь слегка опалила своим горячим дыханием земли, которые сегодня входят в состав Украины. Однако,

несмотря на довольно ограниченный во времени и в пространстве характер, военная операция, осуществлённая на территории западных уездов Волынской губернии, *вызвала заметный интерес со стороны историков, которые основательно изучили участие в военных действиях русских, польских и австрийских сил*⁸. С этим суждением можно согласиться лишь отчасти, ибо оно справедливо только в отношении немецкой историографии, и вовсе не случайно, что из советских авторов Адауров упомянул только Б.С. Абалихина.

Историографию войны на Южном театре военных действий можно разделить на три группы: обобщающие труды по истории войны 1812 года, специальные исследования хода боевых действий именно на южном «участке фронта» и более частные статьи об отдельных сражениях. Правда, применительно к отечественной литературе стоит вести речь только о первой категории, ибо остальные попросту отсутствуют. Поэтому и начнём мы с историографии зарубежной.

Обобщающие труды. Детально анализировать данную категорию исследований мы считаем нецелесообразным, поскольку интересующие нас проблемы отражены там лишь мельком и априори неполно. Отметим лишь, что из этих работ наибольшей объективностью отличалось исследование бывшего участника войны Ж. Шамбрэ, а из всех зарубежных обобщающих трудов мы по-прежнему ставим на первое место двухтомник М. Кукеля, прежде всего из-за огромного объёма проанализированных им источников. Правда, и у него интересующему нас периоду посвящено всего полтора десятка страниц⁹.

Специальные исследования о боевых действиях на Южном театре военных действий написаны только австрийскими авторами, среди них участник войны подполковник Л. Вельден¹⁰, а также саксонцами, в том числе участником войны капитаном К.Ф. Церрини¹¹. Правда, Вельден весьма небрежно относился к хронологии. Наиболее основательным было, безусловно, сочинение В. Геблера, хотя временами его стиль изложения становился излишне патетическим¹². Солидное исследование Церрини послужило отправной точкой для всех последующих саксонских авторов, из которых только М. Экнер значительно расширил источниковую базу¹³. Именно на основе этих книг написал сочинение о саксонских союзниках Наполеона французский историк Ж. Созе, работа которого является добросовестным и основательным конспектом немецкой литературы¹⁴.

При всём вынужденном единодушии бывших подневольных союзников Наполеона – австрийцев и саксонцев – достаточно заметны разночтения в описании ими одних и тех же событий, каждый из них стремился «перетянуть одеяло на себя» там, где это было необходимо, и обвинить союзников в халатности или небрежности. Лишь отчасти к этой категории исследований можно отнести работы польского историка Я. Виллауме, поскольку его интересовали лишь действия польских войск на Буге¹⁵.

Статьи об отдельных сражениях написаны опять же только австрийскими и саксонскими авторами. Детальное описание боя при Кобрине содержится в солидной статье участника войны, премьер-лейтенанта К.А. Беккера, к которой приложена детальнейшая карта, снятая и прорисованная самим автором¹⁶. Ещё более подробное описание этого боя сделано в брошюре полковника Г.А. Шаффа, использовавшего саксонские документы из Главного государственного архива, Военного архива, библиотеки Генерального штаба и королевской Общественной библиотеки. Знал он и некоторые русские материалы, но практически не опирался на них, может, потому, что состыковать и «примирить» источники, часто противоречащие друг другу, оказалось делом непростым. Главные недостатки этой работы – непомерное восхваление героизма саксонских солдат при весьма «невнимательном» описании действий русских войск, а также постоянные сбои в хронологии, наглядно показывающие, что автор по профессии не был историком¹⁷.

Сражению при Городечне, самому крупному на Южном театре военных действий, посвящено единственное специальное исследование австрийского майора Винера, основанное на австрийских архивных материалах; правда, автор не цитирует их, а только упоминает или, в лучшем случае, пересказывает. К тому же Винер слишком часто использовал сослагательное наклонение. К статье приложен план сражения, снятый капитаном Даммом, заместителем командующего инженерами саксонского корпуса, и уточнённый упомянутым выше Беккером¹⁸. Известный публикатор Фабри достаточно подробно описал ход сражения, но сам же признал: «Для нас невозможно вникать в детали боя, переданные русскими, мы вынуждены ограничиться указанием их расположения»¹⁹. Как и при разборе других боевых столкновений, Фабри явно недостаёт знания русских источников, а все факты он брал только из исследования Богдановича.

К этой же категории работ можно отнести исследование ещё одного участника войны су-лейтенанта 1-го полка лёгкой пехоты А. Хольцендорфа, который не только опубликовал мемуары генерала Функа, но и написал историю саксонской лёгкой пехоты, где осветил и её участие в русской кампании²⁰. При всех достоинствах зарубежных исследований XIX в. общим их недостатком стало то, что их авторам были неизвестны русские источники, а из исследований они изредка ссылались на труды Д.П. Бутурлина, А.И. Михайловского-Данилевского, но в основном М.И. Богдановича.

Но на этом всё и закончилось, ибо в XX в. интерес к этой теме в немецкой историографии окончательно угас. Очевидно, что это связано с вхождением Саксонии в состав единого Германского государства, исчезновением империи Габсбургов и двумя мировыми войнами, более привлекающими историков. Отныне эту тему затрагивали либо в самых общих работах, либо в популярных статьях. Столь скромный научный интерес к теме особенно досаден и даже нетерпим, поскольку в самом начале XX в. произошла масштабная публикация источников в России и во Франции.

Из современных зарубежных работ упоминания достойны лишь книги американского военного историка Дж.Ф. Нафзигера, хотя и они имеют скорее научно-популярный и справочный характер и не идут ни в какое сравнение с его солидными исследованиями кампании 1813 г.²¹

В отечественной историографии степень изученности боевых действий на Южном ТВД совершенно иная. Эта тема была затронута лишь в упомянутых выше самых общих трудах. Первым серьёзным исследователем кампании 1812 г. был Бутурлин. Но начало боевых действий на данном театре войны описано у него наиболее схематично и «рассеянно», т.е. разбросано по нескольким местам сочинения. Более детально описан этим автором период главных боевых столкновений у Кобрина и Городечно и последующие события вплоть до начала русского наступления в сентябре.

Из всех официальных историков самым дотошным исследователем был, безусловно, Богданович. Но в данном случае и он оказался не на высоте. Посвящённая данному эпизоду глава (21 с.) получилась, на наш взгляд, самой неудачной и неинформативной из всего сочинения. Материал в ней изложен конспективно, не описано множество боевых столкновений. В главе допущено немало неточностей, опечаток, даже выдумок и слишком много сослагательного наклонения,

недопустимого для историка. Богданович даже не использовал опубликованные к тому времени немецкие источники и исследования. Из иностранной литературы он ссылался лишь на работы участников войны Г. Водонкура и Ж. Шамбрэ, не имевших никакого отношения к данному театру военных действий.

Вовсе не случайно Поликарпов, описывая боевые столкновения на южном фланге, постоянно упрекал Богдановича за то, что в его работе многие из них даже не упомянуты. Поэтому, как ни парадоксально, но из всех официальных авторов именно Михайловский-Данилевский оказался самым скрупулёзным, даже несмотря на то, что именно в его сочинении наиболее полно отражена официальная точка зрения. К тому же нужно учитывать, что все эти сочинения написаны ещё до того, как была опубликована основная масса источников по данной теме.

Итак, приходится констатировать печальный факт: *в отечественной литературе до сих пор нет специального исследования о боевых действиях на Южном театре войны. Уважаемые коллеги могут не согласиться с нашим заявлением и укажут на то, что данным вопросом многие годы занимался советский историк Б.С. Абалихин. Разумеется, мы об этом не забыли. Абалихин верно отметил, что «в первые годы Советской власти данная тема вообще не привлекала внимания историков». Мы бы добавили, что и в последующие годы этого внимания вовсе не прибавилось.*

Впервые к этому вопросу обратился один из самых одиозных советских сочинителей генерал Н.Ф. Гарнич, который обрушился с гневными инвективами на главнокомандующего 3-й Обсервационной армией А.П. Торماسова. Он писал, что после сражения при Городечне на южном театре войны «в течение всего августа не произошло ни одного решительного сражения... 3-я армия генерала Торماسова, по существу, бездействовала. Главный виновник этого – командующий 3-й армией генерал Тормасов. Имея в армии 47 000 человек, а равно *опираясь на многочисленные местные народно-партизанские отряды и полки украинского ополчения*, генерал Тормасов должен был решительно обрушиться на противостоящие войска Шварценберга и Ренье... Но Тормасов не понял и не сумел использовать главной силы – *всенародного движения* в борьбе против захватчиков. Ограниченный человек, Тормасов *не организовал совместных действий регулярных войск 3-й армии,*

украинских полков ополчения и народно-партизанских местных отрядов в Белоруссии и на Украине. Он не постиг возможности разгромить захватчиков теми силами, которые возникли у него на глазах и которые уже сами бились с наполеоновскими войсками. Ошибка Тормасова в том, что он не объединил совместных усилий армии и народа и не создал взаимодействия регулярных войск, ополчения и *местных народно-партизанских отрядов*»²².

Мы не собираемся оспаривать все эти надуманные обвинения, ибо «многочисленные местные народно-партизанские отряды» существовали только в больном воображении истовых марксистов-ленинцев вроде Гарнича. Но современный читатель должен иметь представление об «единственно верной» марксистской методологии, которую 70 лет силой насаждали в российской науке.

Абалихин раскритиковал своих предшественников за то, что они не использовали переписку Наполеона, не показали «место киевского направления в политических и стратегических планах французского полководца», при расчёте неприятельских сил не учли, что «на Украину вела наступление 12-тысячная польская дивизия генерала Косинского». «К недостаткам указанных работ,— писал он, — следует отнести то, что в них схематично освещались боевые действия 3-й Западной армии». Абалихин уверял, что эти и другие недостатки он устранил в своих статьях и в диссертации. Но при этом у него хватило разума сделать оговорку, что и после публикации его работ «в целом изучение проблемы нельзя считать законченным. Во-первых, отсутствует монография, отражающая все стороны войны на левом фланге русской армии. Во-вторых, ряд вопросов ещё нуждается в дальнейшем изучении: оборона Бобруйской крепости, деятельность А.П. Тормасова как полководца и др.»

Абалихин специально подчеркнул значимость данной темы, поскольку «юго-западный театр Отечественной войны 1812 года был самым протяжённым и составлял около 1 300 верст — от Рóславля до Бреста... На своём правом фланге Наполеон использовал австрийский и саксонский корпуса, четыре дивизии усиленного состава, а также польско-литовские шляхетские формирования общей численностью 30 тыс. человек. Перед этими войсками французский полководец ставил *задачу овладеть значительной территорией Украины, включая Киев*»²³.

Уже один только этот абзац способен привести в уныние исследователя, знакомого с данной темой. Во-первых, границу Южного

театра военных действий Абалихин очертил слишком размашисто, во-вторых, он просто не знал состава двух немецких корпусов и почему-то объявил, что входившие в них дивизии имели «усиленный состав», а численность польских войск, в том числе и дивизии генерала А. Косиньского, он просто взял с потолка. Наконец, он не знал, какова была задача направленных сюда неприятельских войск, которые вовсе не собирались прорываться до Киева.

А между тем за всю советскую эпоху почти единственной специальной работой, посвящённой Южному театру войны, была именно брошюра Абалихина, составленная на основе защищённой им в 1980 г. докторской диссертации. Но и она производит просто удручающее впечатление. Боевые действия в ней описаны очень скупо, так как автор плохо разбирался в военных вопросах. Он не знал ни правильного названия 3-й армии, ни точного её состава, ни её назначения. Он не знал даже, где австрийский и саксонский корпуса перешли границу России. Он назвал Шварценберга принцем, хотя тот никогда таковым не являлся, а на тот момент носил титул князя.

Абалихин не знал иностранных источников, и хотя иногда цитировал их, но приводил совершенно фантастические и даже завиральные их «переводы», неизвестно откуда взятые. Нелепостям несть числа. Он, например, писал, что при движении австрийского корпуса к российской границе «в него влились 904 французских офицера, что свидетельствует о недоверии Наполеона к австрийским войскам». Не говоря уже о том, что это просто чья-то бредовая выдумка, автор даже не удосужился подумать, где бы это Наполеон смог взять такое количество свободных офицеров, которыми можно было укомплектовать целый армейский корпус!?

Один из параграфов брошюры называется «Провал попыток Наполеона овладеть Киевом», хотя тот *никогда таких попыток не предпринимал*. В кратком, на одной странице, рассказе о сражении при Городечне Абалихин не постеснялся трижды солгать, заявив, будто русская разведка ещё ранним утром обнаружила обходное движение саксонцев, будто «неудачу потерпели и фронтальные атаки австрийских войск» и в 22 часа «противник отошёл на исходные позиции». Дело в том, что австрийцы вообще не вели фронтальных атак, так что и отходить назад им не было никакой нужды. Далее, он написал, что, «несмотря на достигнутый успех, А.П. Тормасов отдал приказ об отходе», не удосужившись объяснить эту удивительную страте-

гему, весьма напоминающую ту, которую совершит вскоре Кутузов после «победы» при Бородине. Об остальных боевых столкновениях 3-й армии на первом этапе войны Абалихин вообще не упомянул, но заявил, будто бы, по словам Шварценберга, «за время арьергардных боев она вывела из строя около 11 тыс. вражеских солдат». Излишне пояснять, что и эту цифру он высосал из пальца²⁴.

Полагаем, что после проведенного нами анализа работ Абалихина, коллеги согласятся с нашим выводом о том, что серьезного, полноценного исследования боевых действий на Южном театре войны в отечественной историографии до сих пор не существует.

Неслучайно публикатор дневника Вяземского С.В. Шумихин недавно заметил: «Исторически сложилось так, что боевые действия 3-й Западной армии изучены менее подробно», чем действия 1-й и 2-й Западных армий. «В то же время 3-я Западная армия, ведя фланговые бои, *оттянула на себя до 115 тысяч неприятельских войск*»(!), а у Кобрин «*был разбит саксонский корпус под командованием Ж. Ренье*». Комментируя упомянутый Вяземским захват трёх штабс-ротальных полков «полку принца Орели», он поправил автора: А. Орелли (1742–1832) был графом, а не принцем, и ничтоже сумняшеся назвал семидесятилетнего старца *командиром* «австрийского лёгкого конного полка»²⁵. На самом деле тот был лишь *шефом* шволежерского полка О'Рейли № 3, в названии которого титул не указывался. Командовал же полком полковник Й.Х. Ауэршперг. Приведённые выше безбожно завышенные цифры свидетельствуют о полной неосведомлённости Шумихина, который даже не знает точного названия 3-й армии. Он не исправил неверное написание Вяземским фамилии генерала П.Е. Бенардоса 2-го. Парадокс: комментатор мемуаров продемонстрировал то самое невежество, о котором сам же и написал!

В 2001 г. С.В. Потрашков выступил с обстоятельным докладом о командующем 3-й армией Тормасове. О Кобринском бое он написал следующее: «Обстоятельства этой первой в 1812 г. русской победы хорошо известны, однако оставляют ряд вопросов. Кто был истинным героем дня? Граф К.О. Ламберт, награжденный за победу саблей, украшенной алмазами, с надписью “За храбрость”. Или генерал-майор Е.И. Чаплиц, первым ворвавшийся в город и вынудивший неприятеля поднять белый флаг, но так и не удостоившийся награды. Требуется уточнения численность саксонского отряда, а в связи с этим – размеры нанесенных им потерь. Цифры, приводимые в источ-

никах, а вслед за ними и в исторической литературе, существенно расходятся»²⁶. Мы полностью согласны с этими замечаниями.

Об этом бое и до сих пор пишут удивительные вещи. Директор Кобринского музея вещает, будто «Наполеон приказал саксонскому генералу Ренье *переправиться* в Волынскую губернию». Фамилия генерала переведена неверно, к тому же он был французом, а также не ясно, что за водную преграду следовало преодолеть, чтобы проникнуть на Волынь. Численность отряда Кленгеля завышена в два с лишним раза до 8 тыс. человек. Значение этой победы раздуто до вселенских масштабов: «В результате победы под Кобрином *русская армия* почти с самого начала войны захватила инициативу на Южном театре военных действий. Это делало крайне неустойчивым тылы наполеоновской армии и явилось одной из причин поражения французов в войне. *Победа при Кобрине положила начало развенчанию мифа о непобедимости Великой армии*»²⁷. Воистину, только безбрежное женское воображение вкупе с абсолютным незнанием источников способны породить подобные фантазии.

Следует упомянуть, что интересующий нас сюжет был затронут в нескольких статьях и в кандидатской диссертации белорусского автора Л.М. Нестерчука. Однако работы этого чиновника от народного образования не отличаются глубиной. В первой брошюрке он написал, будто под Кобрином было убито 2 тыс. неприятельских солдат и взяты в плен два генерала, а сражение при Городечне он лихо окрестил «Бородино под Пружанами», хотя потери противников в этой «генеральной битве» были даже меньше, чем в крупных боях на Центральном ТВД. Он заявил, что в своей диссертации ввёл в научный оборот новые архивные источники, в частности, о составе 3-й русской армии, австрийского и саксонского корпусов, однако знакомство с авторефератом и с последующей статьёй Нестерчука этого никоим образом не подтверждают. Точного состава указанных соединений он явно не знает, коли пишет, будто Тормасов отвлёк на себя «два 40-тысячных корпуса», хотя ни один из них такой численности никогда не достигал. В соответствии с нынешней официальной белорусской идеологией он включил в понятие Беларусь и территорию тогдашней Литвы и заявил, будто бы Наполеон восстановил «беларускую дзяржаўнасць». Вопреки очевидности автор утверждает, будто «3-я Западная армия с самого начала войны 1812 года вела активные военные действия»²⁸.

Более солидной, на первый взгляд, выглядит работа другого белорусского автора С. Данских, который весьма обстоятельно проанализировал боестолкновения при Кобрине и Городечне. Но и этому историку явно недостаёт знания иностранных источников и исследований, каковой изъян он попытался восполнить за счёт дешёвого англоязычного Интернета. Поэтому в его работе встречается масса нелепостей: *генерал-майор* Мор назван *фельдмаршал-лейтенантом*, командиром 13-го егерского полка – И.С. Велизарьев, хотя в тот момент им командовал майор Н.Н. Избаша, Цехмайстер почему-то назван Шмельцером, командиром саксонского полка Низемойшеля – полковник Г.Ф. Фогель, хотя тот по состоянию здоровья был отправлен в отставку; бой при Кобрине автор почему-то закончил в 12 часов; австрийские полки он называет по номерам, хотя в источниках они никогда так не назывались, а именовались только по именам шефов и т.д. и т.п.²⁹

Лишь в самом начале XXI в. в России стали появляться отдельные статьи о боевых действиях на Южном театре войны³⁰. В частности, данного сюжета коснулись и историки, изучающие участие в той войне иррегулярных войск Российской империи. Самой важной стороной этих исследований является привлечение архивных документов, но по части знания общего контекста военных действий их авторы, конечно же, не самостоятельны. Неприятно поражает читателя использование ими почти исключительно старого стиля в датировке событий, что зачастую приводит их к явным ошибкам в хронологии³¹. Это также вводит в заблуждение современных читателей, которые всю свою сознательную жизнь измеряют время по новому стилю.

Одним словом, любому информированному человеку бросается в глаза разительное несоответствие между огромным объёмом опубликованных источников и ничтожным количеством исследований действий на Южном ТВД. Именно этот досадный недостаток мы и вознамерились исправить в новом исследовании. Берём на себя смелость заявить, что о большинстве описанных нами событий почти никто из российских читателей и даже историков ровным счётом ничего не слышал, так что впору называть это исследование «Неизвестная война». Это утверждение касается и зарубежных читателей и исследователей.

Основное внимание в нашем исследовании будет уделено именно *военным действиям*, однако их невозможно правильно понять без

учёта ещё одного аспекта войны, а именно *отношения к противоборствующим армиям местного населения*. В дореволюционных общих работах лишь бегло упоминалось о том, что польское население данных областей негативно относилось к российским властям и войскам. В марксистской же литературе эта проблема целенаправленно и, мы бы сказали, цинично перевиралась в угоду насаждаемой сверху классово-идеологии.

Своего апогея эта фальсификация достигла в работах Абалихина. Для затравки он громогласно, но совершенно бездоказательно объявил, будто «в захваченных поветах (уездах) Волынской губернии оккупанты установили режим террора, грабежа и насилия... Немецкие, австрийские и польские солдаты грабили, убивали и насильовали, жгли села и города, уничтожали посеы. Особенно отличались своей жестокостью солдаты корпуса Рень». Для примера Абалихин процитировал ничего не значащую фразу из рапорта Чаплица, «случайно» не заметив содержащихся в донесениях этого да и других российских генералов постоянных доносов на местных помещиков, которые помогали неприятелю.

«В ответ на зверства и притеснения захватчиков жители Волыни развернули партизанскую войну. Крестьяне поголовно покидали деревни и уходили в леса. Партизаны совершали смелые налёты на шайки мародёров и мелкие гарнизоны», – лихо фантазировал Абалихин. А в качестве единственного примера привёл следующий отрывок из донесения Торماسова: «Край сей, переходом австрийских и саксонских войск, совершенно разграблен, всё пусто, жители, *возмущённые Варшавскою конфедерациею*, скрылись в леса и болота, где находясь, нападают на транспорты и партии, схватывают курьеров, а на полях хлеб остаётся несжатым». Абалихин поначалу даже не заметил *выделенной курсивом* фразы, которая свидетельствует о прямо противоположном явлении – о поддержке польским населением своих освободителей от российских «оккупантов»! Таким вот способом *жители, вредившие русским войскам*, превратились в «наших партизан». К тому же речь здесь шла *не о Волыни, а о Гродненской губернии*. Правда, позже историк заметил эту оплошность, но вместо того чтобы признать свою нечистоплотность, он в двух последующих брошюрах заменил эти неудобные для него слова отточием...

Абалихин заявил, будто «вся занятая французами часть Волыни была охвачена... народным восстанием», будто «*партизанское движение* нанесло захватчикам ощутимый урон. Партизанами было

убито и ранено несколько тысяч вражеских солдат и офицеров, уничтожено много обозов с продовольствием и фуражом». Излишне говорить, что все эти буйные фантазии не имеют абсолютно никакого подтверждения в источниках. В духе советских агиток Абаляхин завершил свой рассказ бравурной фразой о том, что «население Волыни, как и весь украинский народ, активно включилось в национально-освободительную борьбу с наполеоновской армией»³².

Проведённый выше детальный «разбор полётов» должен наглядно показать современному читателю, какими способами марксисты-ленинцы перелицовывали реальную историю в угоду своей априорной и антинаучной концепции, громогласно объявленной ими «единственно верной». Н.Е. Аблова свидетельствует, что в современной белорусской историографии до сих пор ведутся споры по таким вопросам, как корректность применения термина «Отечественная война» в отношении Белоруссии; «существование партизанского движения на территории оккупированных французскими войсками западных губерний России»; «отношение различных слоёв населения белорусских губерний к Наполеону и его армии, к России и русским войскам». Сама Аблова считает войну 1812 года для Белоруссии «отечественной» и солидаризируется с теми, кто до сих пор пишет о существовании там «народного партизанского движения», хотя их аргументы и гроша ломаного не стоят.

По свидетельству Потрашкова, в современной украинской историографии до сих пор дискутируется вопрос о степени распространения сочувствия французам в западно-украинских землях. Так, академик В.Г. Сарбей пишет о «жестоким режиме оккупации» на Волыни и о сопротивлении населения захватчикам, приводя в качестве единственного примера жителей с. Никовское Ковельского уезда, которые более суток оказывали сопротивление австрийской роте, а потом убежали в лес; при всём старании мы так и не смогли найти такого селения на весьма подробной карте Волынской губернии. «Натолкнувшись на неожиданное сопротивление украинского народа, Наполеон вынужден был отказаться от намерений продвигаться в глубь Украины» – написал академик, демонстрируя явное незнание планов императора³³. Лишь в последнее время некоторые украинские историки стали активно освещать данную проблему, не скрывая антирусских настроений, царивших среди большей части населения западных губерний Российской империи, в том числе и на Волыни³⁴.

В заключение стоит упомянуть о дискуссии, возникшей на Бородинской конференции в 2007 г., когда мы указали Ададурову на то, что австрийский корпус в источниках и историографии везде именуется именно «вспомогательным корпусом», а также на то, что при переводе одного документа он допустил ошибку, назвав «австрийский корпус, находящийся в составе 7-го армейского корпуса». Спустя несколько лет Ададуров ответил нам статьёй, в которой использовал штабную корреспонденцию корпуса Шварценберга, находящуюся в Военном архиве Австрии. Он обратил внимание на несоответствие между общепринятым в научной литературе названием этого корпуса и наименованием, зафиксированным в подавляющем большинстве штабных документов.

Ададуров пишет, что приказом от 15 мая Франц I «присвоил этому корпусу, формируемому на территории Галиции, название "Обсервационный корпус (Observations-Corps)". Таким образом, австрийское правительство намеревалось сохранить видимость нейтрального наблюдателя и продемонстрировать, что основная задача корпуса состоит в наблюдении за действиями готовящихся к войне сторон. Отметим, что такое название корпуса Шварценберга являлось в то время симметричным ответом на название, которое носила сосредотачиваемая на Волыни российская 3-я "Резервная обсервационная армия". Чтобы избежать преждевременного обострения отношений с Россией, в соответствии с вышеупомянутым приказом австрийский корпус должен был сменить название на "Вспомогательный корпус (Auxiliar-Corps)" только после открытия им боевых действий на стороне Франции».

Но приказом от 26 мая Наполеон присвоил этому корпусу название «1-й корпус австрийской армии (1er corps d'armée d'Autriche)». При этом маршал А. Бертье пояснил Шварценбергу, что «цель императора при определении этого названия состояла в том, чтобы заставить противника считать, что существует много корпусов австрийской армии и что корпуса в Галиции и Трансильвании также предназначены для наступательных действий». Шварценбергу было велено позаботиться о том, чтобы эта дезинформация стала известна россиянам. Поэтому «в дальнейшем в переписке между штабами Шварценберга и штабами других соединений Великой армии, а также в переписке Шварценберга с подчиненными ему офицерами, употреблялось название "1-й корпус австрийской армии", в то время, как название "Вспомогательный корпус" встречается весьма редко».

Пока корпус находился в Галиции, он сохранял название «обсервационный», но с 25 июня его документация проходила под грифом «1-й австрийский корпус (1er corps autrichien)», либо «1-й австрийский армейский корпус (1er К.К. Österreichische Armée Corps)». Отсюда Ададуров заключил, что «общепринятое в историографии название корпуса Шварценберга – “Вспомогательный корпус (Hilfskorps)” – не соответствует названию, принятому в его внутренней документации и отношениях с Великой армией. Весьма примечательно, что сам Шварценберг на протяжении всего времени своего командования корпусом употребил название "вспомогательный корпус" всего лишь три раза (!), впервые 4 июня».

Но впоследствии австрийские историки предпочли «не обращать внимания на название корпуса, отраженное в его штабной переписке», и «позаимствовали название "вспомогательный корпус (К.К. Österreichische Auxiliar-Corps)" из переписки Гофкригсрата, которая, исходя из указаний своего императора, игнорировала название, присвоенное корпусу Шварценберга "императором французов". Как ясно видно из описи документов штаба Шварценберга в Военном архиве Австрии, используемое в ней название "Обсервационный, впоследствии Вспомогательный корпус против России (Observations- später Auxiliar-Korps gegen Rußland)" отражало статус этого воинского соединения в австрийской армии, но вовсе не учитывало его роли в Великой армии, находившейся под верховным командованием Наполеона.

Кроме того, австрийским историкам важно было очистить военную историю Австрии от тёмного пятна, образовавшегося на её безупречно белом мундире тогда, когда деятельность корпуса Шварценберга приобрела, по настоянию императора французов, строго подчиненный его воле, ярко выраженный активный характер и даже, на определённом этапе войны с Россией, внесла важнейший вклад в защиту и расширение зоны оккупации Великой армии. Чтобы преуменьшить степень активного участия австрийцев в походе Наполеона, сделать её вопреки фактам второстепенной или даже третьестепенной, надо было описать это участие как сугубо "вспомогательное"... Именно этот, австрийский, взгляд на вещи и стал причиной искажения названия корпуса в историографии». Поэтому Ададуров считает, что «единственно уместным является употребление названий или “Первый австрийский корпус”, или же просто – “Австрийский корпус”»³⁵.

Суждение Ададунова о том, что австрийская историография была заинтересована в том, чтобы преуменьшить роль австрийского корпуса в войне против России, лишь на первый взгляд соответствует правилам формальной логики, поскольку при чтении трудов Вельдена, Геблера, Винера и авторов полковых историй вовсе не возникает ощущения, что они хотя бы в чём-то умаляли заслуги своих соотечественников. Напротив, они всячески старались превознести доблестное поведение своих предков, отнюдь не концентрируя внимание читателя на том, что эта война не соответствовала коренным интересам Австрийской империи Габсбургов.

Поскольку мы элементарно не имеем времени просмотреть документы австрийского архива, то не будем категорично спорить с оппонентом, а лишь заметим следующее. Во-первых, почти все процитированные Ададуновым документы были опубликованы ещё у Фабри, хотя тот ради экономии места не приводил полного названия рапортов, а только фамилии их отправителей и реципиентов. Во-вторых, мы не уверены в том, что Шварценберг всего лишь трижды употребил в переписке название «вспомогательный корпус». Но, даже если и так, то это вполне объяснимо желанием Наполеона, чтобы корпус именовался «первым австрийским» для введения в заблуждение российской стороны. В-третьих, сами австрийские мемуаристы употребляли название «вспомогательный корпус»³⁶ и в аутентичных саксонских и польских источниках также применялось название «вспомогательный австрийский корпус», явно не в угоду *позднейшей историографии*.

Исследования Ададунова, безусловно, внесли огромный вклад в изучение политического и идеологического факторов противоборства на южном театре войны 1812 года, но чисто военных действий он коснулся лишь мимоходом и недостаточно компетентно, тем самым предоставляя нам свободу действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отечественная война в рассказах генерала Чаплица // Рус. старина. 1886. № 6; *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1907. Вып. 4; Воспоминания князя А.Г. Щербатова // Эпоха 1812 г. Труды ГИМ. Вып. 137. М., 2003; Записки генерала Отрошенко (1800–1830). М., 2006; Explications du general Tschaplitz // *Fabry G.* Campagne de 1812: Mémoires relatifs a l'aile droite de la grande armée. P., 1912.

² *Харкевич В.И.* Указ. соч. С. 49–59; Воспоминания князя А.Г. Щербатова. С. 221–225.

³ *Ахлестышев Д.П.* Двенадцатый год: Ист. документы собств. канцелярии главнокомандующего 3-ю Западною армиею генерала от кавалерии А.П. Тормасова. СПб., 1912; *Поликарпов Н.П.* Боевой календарь-ежедневник. Ч. 1 // Труды МО РВИО. М., 1913. Т. IV.

⁴ Отечественная война 1812 г.: Материалы ВУА. СПб., 1910–1911. Т. XIV–XVI.

⁵ *Fabry G.* Campagne de Russie, 1812: Operations militaires. P., 1902–1903. Т. I–V; *Idem.* Campagne de 1812: Documents relatifs a l'aile droite de la Grande armée, 20 aout – 4 decembre (VII-corps, corps autrichien). P., 1912; *Idem.* Campagne de 1812: Mémoires relatifs a l'aile droite de la Grande armée. P., 1912.

⁶ *Funck F.* Erinnerungen aus dem Feldzuge des sächsischen Korps unter dem General Grafen Reynier im Jahre 1812. Dresden; Leipzig, 1829; *Idem.* In Rußland und in Sachsen 1812–1815. Dresden, 1930; Erinnerungen aus der russischen Gefangenschaft 1812 und 1813. Leipzig, 1837; *Jacob J.G.* Lebenslauf eines alten Soldaten. Dresden, 1844; *Göthe Th.* Aus dem Leben eines sächsischen Husaren und aus dessen Feldzügen 1809, 1812 und 1813 in Polen und Russland. Leipzig, 1853. S. 60–179; *Baumgarten-Crusius A.* Die Sachsen 1812 in Russland: Nach Tagebüchern von Mitkämpfern. Leipzig, 1912 (Erinnerungen von Blaßmann, Vollborn, Wolffersdorff).

⁷ *Eniden F.* Erinnerungen eines österreichischer Ordonnanz-Offizirs aus dem Feldzuge 1812. Wien, 1898; *Suhay I.* Egy magyar huszartiszt feljegyzesei I' // Hadtortenelemi Kazlemenyek. 1941; *Fabry G.* Campagne de Russie. Т. II. P. 207–11, 253–54, 276–79.

⁸ *Аодуров В.* Наступательная операция 7-го корпуса «Великой армии» и австрийского вспомогательного корпуса на Волыни в стратегических планах французского командования (август – сентябрь 1812 года) // Бородино и наполеоновские войны: Битвы. Поля сражений. Мемориалы. Можайск, 2008. С. 196.

⁹ *Chambray G.* Histoire de l'expédition de Russie. P., 1838. Т. I–III; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Kraków, 1937. Т. II. S. 34–41, 109–17.

¹⁰ *Welden L.* Der Feldzug der oesterreicher gegen Russland im Jahre 1812. Wien. 1870.

¹¹ [*Cerrini de Monte Varchi C.F.X.*]. Die Feldzüge der Sachsen in den Jahren 1812 und 1813. Dresden, 1821 (далее – *Cerrini*); *Odeleben E.O.I.* Sachsen und seine Krieger in den Jahren 1812 und 1813: Ein Beitrag zu Würdigung der strategisch-politischen Ereignisse jener Zeit. Leipzig, 1829 (напоминает комплект исследования Церрини); *Bfucher J.* O. Die Theilnahme des sächsischen Heeres am Feldzuge gegen Rußland vom Februar 1812 bis zum März 1813. Dresden, o.J. [1892].

¹² *Gebler W.* Oesterreichische Auxiliarcorps im Russischen Feldzuge 1812. Wien, 1863; *Edlen von Angeli.* 1812: Die Teil des k.k. österreichischen Auxiliarcorps unter Commando des G.d.C. ... Schwarzenberg im Feldzuge Napoleons I. gegen Russland... // Mitteilungen des k. k. Kriegsarchivs. Wien, 1884. S. 1–87.

¹³ *Exner M.* Der Antheil der königlich sächsischen Armee am Feldzuge gegen Russland 1812. Leipzig, 1896. S. III–IV, 156–58 (*Zezschwitz J.A.* Die Brigade Klengel in Kobrin. Auszug aus dem Tagebuche // Kriegsarchiw. Dresden).

¹⁴ *Sauzey J.C.* Les allemands sous les aigles françaises (1806–1814): Т. III: Les saxons dans nos rangs. P., 1907.

¹⁵ *Willaume J.* General Józef Wielhorski. Poznań, 1925; *Idem.* Amilkar Kosiński. Poznań, 1930; *Idem.* Obrona księstwa Warszawskiego // *Przegląd Historyczno-Wojskowy.* 1930. T. III.

¹⁶ *Becker C.A.* Bericht über die königlich sächsische Infanterie-Brigade von Klengel und drei Escadrons des Ulanen-Regiments Prinz Clemens unter den Befehlen des Obersten von Zezschwitz in dem Feldzuge 1812 gegen Rußland // *Kriegsgeschichtliche und kriegswissenschaftliche Monographien aus der neuern Zeit.* Leipzig-Altenburg, 1817. Bd. I. S. 1–51.

¹⁷ *Schaff G.A.* Die königlich sächsische Brigade von Klengel in Kobrin. Dresden, 1900.

¹⁸ *Wiener.* Die Schlacht bei Poddubie (Gorodeczno) am 12 August 1812: Nach Feld-Acten und anderen Quellen // *Mitteilungen des k. k. Kriegsarchivs.* Wien, 1884. S. 275–299 (ссылки на: Österreichische Staatsarchiv, Kriegsarchiv, Alte Feldakten – Armeekakten 1812. Karton 1512. Fasc. VIII. Ad. 41, 93–96, 122, 125–129a, 158–59, 162, 349; Fasc. XII. Ad. 45; Fasc. XIII. Ad. 3).

¹⁹ *Fabry G.* Campagne de Russie, 1812. P., 1903. T. IV. P. 77–87.

²⁰ *Holtendorff A.* Erinnerungen aus dem Feldzuge des sächsischen corps im Jahre 1812, aus den Papieren des verstorbenen General-lieutenant von Funck... Dresden, 1831; *Idem.* Geschichte der königlich sächsischen leichten Infanterie... Leipzig, 1860. S. 60–73.

²¹ *Nafziger G.F.* Napoleon's Invasion of Russia. Novato, 1988; *Nafziger G., Wesolowski M.T., Devoe T.* The Poles and Saxons during the Napoleonic Wars. Chicago, 1991.

²² *Гарнич Н.Ф.* 1812 год. 2-е изд. М., 1956. С. 81.

²³ *Абалихин Б.С., Дунаевский В.А.* 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М., 1990. С. 201, 203, 205, 209, 211, 212.

²⁴ *Абалихин Б.С.* Отечественная война 1812 г. на юго-западе России: Учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград, 1987. С. 11, 22–23, 33, 35–36; *Он же.* Борьба с наполеоновской армией на юго-западе России в период Отечественной войны 1812 г.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1979.

²⁵ 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 192–93, 417, 418.

²⁶ *Потрашков С.В.* Генерал от кавалерии А.П. Тормасов в Отечественной войне 1812 года // *Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи.* М., 2001. С. 18.

²⁷ *Бабенко Е.* Кобрин – первая победа // *Родина.* 2012. № 6. С. 35–38.

²⁸ *Нестерчук Л.М.* Отечественная война 1812 года на Брестчине. Брест, 1990. С. 5–6; *Несцярчук Л.М.* Баявыя дзеянні 3-й Заходняй рускай арміі ў Айчынную вайну 1812 года на тэрыторыі Беларусі: дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 1996; *Он же.* Баявыя дзеянні 3-й Заходняй рускай арміі з аўстрыйскім і саксонскім карпусамі Напалеона ў вайну 1812 года на тэрыторыі Беларусі // *Французска-руская вайна 1812 года: Еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд.* Мінск, 2003. С. 36–39, 41.

²⁹ *Швед В., Данских С.* Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў, 1805–1815 г. Гродна, 2006. С. 122–42.

³⁰ *Попов А.И.* Партизанские отряды армии П.В. Чичагова (рейд отряда А.И. Чернышева в великое герцогство Варшавское) // *Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы.* М., 2004. С. 83–103; *Он же.*

Боевые действия в районе Пинска в 1812 г. // Воин. 2004. Прил. № 1. С. 58–66; *Он же*. Неизвестная война: действия отрядов армии А.П. Тормасова в тылу неприятеля // Отечественная война 1812 года и российская провинция... Малоярославец, 2007. С. 129–162; *Он же*. Партизаны наполеоновской армии в России в 1812 г. // История: электрон. науч.-образоват. журн. 2012. Вып. 8 (18): Россия, Европа и Наполеоновские войны – <http://mes.igh.ru/magazine/content>; *Ададуров В.* Указ. соч. С. 196–210.

³¹ *Сапожников А.И.* Войско Донское в Отечественной войне 1812 года. М., 2012; *Максимов К.Н., Очиров У.Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012; *Очиров У.Б.* Национальные полки 3-й Обсервационной армии А.П. Тормасова в летних сражениях 1812 г. // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 2012.

³² *Абалихин Б.С.* Украинское ополчение 1812 г. // Ист. зап. М., 1962. Т. 72. С. 92; *Он же*. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. Волгоград, 1967. С. 137; *Он же*. Героическая эпопея народного подвига. М., 1987. С. 36; *Он же*. Отечественная война 1812 г. на юго-западе России. С. 41–43.

³³ *Аблова Н.Е.* Отечественная война 1812 г. в современной белорусской историографии и учебной литературе // 1812: «Освобождение России от нашествия неприятельского»: уроки истории и вызовы современности. М., 2013. С. 84–99; *Потрашков С.В.* Отечественная война 1812 г.: ист. память украинцев и совр. укр. историография // Там же. С. 166–76.

³⁴ *Потрашков С.В.* Нашествие Наполеона и польское население юго-западной окраины Российской империи // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2012. С. 242–49; *Ададуров В.В.* Польское дворянство юго-западной России в планах Наполеона во время военной кампании 1812 года // История и историческая память. Вып. 6. Саратов, 2012. С. 164–80.

³⁵ *Ададуров В.В.* «Наполеоніда» на сході Європи: уявлення, проекти та діяльність уряду Франції щодо південно-західних країн Російської імперії на початку ХІХ століття. Львів, 2007. С. 446; *Он же*. Новые сведения о названии австрийского корпуса Шварценберга в 1812 г. // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2013. Т. 15. № 1. С. 143–45.

³⁶ См. напр.: *Grueber C.J.* Sous les aigles autrichiennes: Souvenirs du chevalier Grüber. P., 1909. P. 134, 135, 141.